

УДК 413.163

С.Г.Николаев

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЯ И НЕАДАПТИРОВАННОЕ ИНОЯЗЫЧИЕ:
ОБЪЕКТ И СПОСОБ ЕГО ОТРАЖЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА**

The paper analyzes the concepts of the foreign realities and non-adapted foreign tongues, which have not yet been explained. Proposing his own conception of the reality phenomenon, the author expands known classifications with one more essential category – linguistic realities – that, in its turn, is subdivided into a number of subtypes with the following analysis of each of them.

В настоящей статье рассматривается иноязычие, входящее в состав художественного текста на правах его неотторжимого компонента. Под «иноязычием» и «иноязычным компонентом» подразумеваются разноуровневые, но чаще всего лексические единицы, выступающие изолированно или во взаимных сочетаниях (фразах), принадлежащие к языку иному, нежели язык данного художественного произведения. Иноязычный характер такого компонента заявлен тем, что он очевидно не адаптирован тем национальным языком, на котором составлен принимающий текст. В русских поэтических текстах иноязычие может оформляться двояко: в исконной алфавитной системе, какой в большинстве случаев выступает латиница, редко греческий алфавит, и метаграфически, т.е. в кириллической буквенной системе.

В целях адекватного отражения функциональной специфики иноязычия внутри художественного текста как интегрирующей среды этот компонент дополнительно определяется нами как «билингвма текста». Данным терминоконцептом обозначается минимальная принципиально внеуровневая единица выражения, чье присутствие делает художественную речь двуязычной. Любая билингвма, будь она представлена однобуквенной иносистемной аббревиатурой или завершенным высказыванием на иностранном языке (текст внутри текста; текст в макроконтексте творчества автора), способна выполнять в поглощающей ее структуре чрезвычайно важную роль ключевого знака, при снятии или замене которого мнимым синонимом

не только утрачивается достаточность восприятия произведения, но и перестает существовать художественная структура как единый, нераздельный, живой организм.

При разборе и атрибуции заявленных компонентов становится очевидным, что значительная их часть употребляется для обозначения инонациональных реалий, — явления, которое требует здесь по меньшей мере краткого своего обсуждения.

Понятие реалии (национальной, национально-культурной, национально-языковой) одинаково широко используется сегодня в двух значениях, разведенных по двум понятийным полюсам: 1) предмет, вещь, факт, процесс, явление, существующие в реальной жизни и относимые к культуре, истории, политике, быту нации, которая для адресата сообщения является нацией иной, нежели та, к которой принадлежит он сам; 2) высказывание, которым обозначаются вышеуказанные предмет, вещь, факт, процесс и т.д.

Первое значение пребывает в соответствии с происхождением, возводимым к латинскому *realis* — «истинный, действительный, вещественный»; конкретной сферой применения слово «реалия» в данном значении не ограничено. Именно как «предмет», но не «имя предмета», воспринимается и используется термин «реалия» и в классической грамматике [1]. В данном и ни в каком ином значении это понятие привлекается в качестве вспомогательного в дефинициях лексических пластов, чьи единицы именуют явления, отличающиеся ярко выраженной номинативно-стилистической спецификой — историзмов, архаизмов, неологизмов.

Второе значение возникло и поддерживается в таких отраслях лингвистики, как переводоведение, лингвострановедение, лексикография, в некоторой степени методика преподавания иностранных языков. Так, теоретики художественного перевода С.Влахов и С.Флорин поясняют, что «реалия» лишь связана с внеязыковой действительностью, но по сути своей является «наименованием отдельных предметов, понятий, явлений быта, культуры, истории данного народа или данной страны» [2].

Есть авторы, которые полагают семантическую раздвоенность «реалии» откровенным терминологическим пороком и предпринимают попытки поиска такого решения вопроса, которое бы свело два «полюса» воедино, а заодно объяснило и легализовало употребление термина одновременно в двух значениях. Известны и компромиссные шаги в направлении спецификации значения термина «реалия», дробления его семантической структуры с одновременным эксплицитным обозначением результирующих частных подвидов — см., напр., [3].

На наш взгляд, существующее противоречие можно в принципе снять, если к исследованию, связанному с проблемами национальных реалий и проводимому в рамках общего языкознания, дополнительно привлечь понятие *безэквивалентной лексики*. В действительности чаще всего так и происходит: реалии давно и устойчиво соотносятся в лингвострановедении, переводоведении, лексикографии с безэквивалентной лексикой, подразумевающей слова и выражения, адекватная передача смыслового содержания которых средствами иного языка заметно затруднена [4].

В данной статье под реалией, в духе классической науки, понимается объект, обозначаемый словом. Соответственно инонациональными реалиями именуются объекты, соотносимые с той или иной нацией, присущие ей и указывающие на нее.

Известен целый ряд попыток выделения классов инонациональных реалий с одновременным различением групп слов и выражений, их называющих; наиболее конструктивной и близкой к завершенности классификацией подобного рода можно считать предложенную Г.Д.Томахиным, основанную на сопоставлении разных национальных языков и культур. Она включает *топонимы* и *антропонимы*, а также *реалии этнографические, общественно-политические, реалии системы образования, благотворительности, реалии культуры* [5].

Русская художественная литература, в том числе лирическая поэзия, обнаруживает достаточное количество лексических единиц, именующих практически все указанные разряды реалий, причем в абсолютном большинстве случаев такое именование производится через неадаптированное иноязычие, т.е. путем подстановки билингвем. Существенной причиной здесь, несомненно, выступает необычный, оригинальный, экзотический облик иноязычного фрагмента, та культурно-национальная (в некоторых случаях и культурно-историческая) ин-

трига, к построению которой стремится автор, сталкивая в едином текстовом пространстве элементы разных языков как взаимно не соотносимых коммуникативных кодов.

В качестве исходного примера воспользуемся билингвемой, отражающей реалию культуры — литературную. В 1915 г. поэтессой Софией Парнок был написан небольшой неозаглавленный стихотворный текст:

Должно быть, голос мой бездушен
И речь умильная пуста.
Сонет дописан, вальс дослушан
И доцелованы уста.

На книгу облетает астра,
В окне заледенела даль.

Передо мной: «L'Abesse de Castro»,
Холодно-пламенный Стендаль.

Устам приятно быть ничьими,
Мне мил пустынный мой порог...
Зачем приходишь ты, чье имя
Несет мне ветры всех дорог?

Билингвема, входящая в состав второй строфы, именует новеллу Стендаля «Аббатиса из Кастро», причем сам писатель охарактеризован как «холодно-пламенный». Название французского произведения передано здесь в оригинале сразу по нескольким причинам. Прежде всего, таким образом Парнок добивается более точной, «документальной» презентации реалии: подразумевается текстовый оригинал, а не его русский перевод (ср. с русскоязычным, т.е. «безразличным» в указанном отношении, отражением имени «Стендаль»). Но в семантике билингвемы видится еще и автохарактеристика поэтессы, соотносящей себя, свои чувства, настроение, положение с обстоятельствами героини новеллы.

Принципиально сохраненное иноязычие может дополнительно расцениваться как свидетельство авторского желания скрыть интерпретационный путь, отдалить «разгадку». Срединная строфа с билингвемой, а также оксюморонное определение «холодно-пламенный» могут служить разъяснением ко всему стихотворному произведению, в котором описывается «пограничное состояние» героини, в чьей жизни завершилось нечто значительное («Сонет дописан, вальс дослушан / И доцелованы уста»), но при этом еще не началось то новое, неизведанное и одновременно неизбежное, что и манит и пугает («приходишь ты, чье имя / Несет мне ветры всех дорог»). Иноязычие также способно трактоваться как рефлекторное желание автора отстраниться от надвигающейся действительности, уйти в чужезычную и чужестранную культуру как в некое укрытие, где жизнь течет условно-реально: она не ранит, а лишь отражается в преломленном (т.е. «ином») виде.

В поисках убедительных прецедентов передачи инонациональных реалий мы неоднократно сталкивались с достаточно репрезентативной их разновидностью, которая, как выяснилось, никак не заявлена в упомянутых выше классификациях. Проиллюстрируем их следующим примером стихотворения П.А.Вяземского (1863 или 1864 г.), из которого приведем начальные строфы:

«Per obbedir la», что ни спросишь —
На всё готовый здесь ответ;
Ну, словно власть в руке ты носишь,
Вертеть, как хочешь, целый свет.

Поутру спросишь о погоде:
«Per obbedir la, хороша».
Спроси о бедности в народе:
«Per obbedir la, нет гроша».

Какая вонь у вас в канале!
«Per obbedir la, вонь и есть».
Бог деток дал тебе, Пасквале?
«Per obbedir la, дочек шесть».

Я ночью слышал три удара:
«Per obbedir la, гром гремел».
Я видел зарево пожара:
«Per obbedir la, дом сгорел».

Полный текст состоит из 14 строф, и выражение *per obbedir la* («с вашего позволения», итал.) встречается в нем 17 раз. Так русский путешественник по Италии в шутивно-сатирической форме сообщает читателю о факте, который привлек его внимание: выражении, применяемом неоправданно часто, «к месту и не к месту», явно паразитирующем в

речи итальянцев. Билингвема обозначает феномен, присущий данной нации, т.е. несомненную реалию.

Здесь требуется существенная оговорка. Подобные билингвемы опять-таки несут в себе весь типический набор отмеченных выше характеристик, т.е. и в этом смысле за пределы понятия «лексика, отражающая инонациональные реалии» не выходят. Но их оригинальность и отличие от рассмотренных состоит в том, что на этот раз они представляют реалии языковые, или *лингвистические*. Отсутствие данного типа в существующих классификациях составляет серьезный недостаток последних.

Понятие «лингвистическая реалия» не противоречит общей концепции реалий, но дополняет и обогащает ее. Соответствующая лексика остается безэквивалентной для принимающего, (в наших примерах русского) языка: она по-прежнему обозначает явления, присущие только данному народу (нации), отраженные в его языке и не представленные в других языках. Поэтому в случае с лингвистической реалией основополагающая семиотическая дихотомия «вещь ↔ слово» остается ненарушенной — с той лишь разницей, что «вещью» теперь именуется определенная звуковая оболочка высказывания или, если речь идет о надписи, ее графический образ. Иносистемный алфавит же «отвечает» за аутентичность внешнего вида реалии.

Дополнив известные классификации этим последним типом, мы можем продолжить исследование, разделив реалии лингвистические на подтипы в зависимости от коммуникативной функции входящих в них единиц. Всего удастся выделить пять таких достоверно наличествующих подтипов. Рассмотрим их последовательно.

1. *Реалия — прямая цитата из речи носителей иностранного языка.* Данный подтип иллюстрируется приведенным выражением *per obbedir la* из стихотворения П.А.Вяземского. В ряде случаев ввод такой билингвемы может использоваться как прием, приближающий повествование к макаронической речи, но чаще всего он документализирует авторское повествование, придавая ему черты дневника, — в котором, впрочем, могут найти свое место комментарии автора или оказаться заявленными авторское отношение или оценка.

2. *Реалия — косвенная цитата из речи носителей «чужого» языка.* Будучи по сути еще одной цитатой, данный подтип иллюстрирует не только способность автора / лирического героя к воспроизведению иностранной речи, но и неизбежность приема цитирования. Билингвема оказывается наделенной достаточно сложным набором ассоциаций, актуальных для того, «из чьих уст» она звучит. В пример приведем ранний автобиографический сонет М.Цветаевой («Вечерний альбом», 1908 — 1910 гг.):

DIE STILLE STRASSE

Die stille Strasse: юная листва
Светло шумит, склоняясь над забором,
Дома — во сне... Блестящим детским взором
Глядим наверх, где меркнет синева.

С тупым лицом немецкие слова
Мы вслед за Fräulein повторяем хором,
И воздух тих, загрезивший, в котором
Вечерний колокол поет едва.

Звучат шаги отчетливо и мерно,
Die stille Strasse распрощалась с днем
И мирно спит под шум деревьев. Верно,

Мы на пути не раз еще вздохнем
О ней, затерянной в Москве бескрайной,
И чье название нам осталось тайной.

Здесь переданы воспоминания о некоей «тихой улице» (эквивалент билингвемы — заглавия и, одновременно, внутритекстового компонента), символизирующей утраченный покой, безмятежность, неповторимость детства. Название улицы остается неизвестным для героя (см. заключительный стих) и, соответственно, для читателя, но это обстоятельство только облекает предмет воспоминаний в дымку загадочности. Иноязычие представляет собой «скрытую цитату»: в стихотворении имеется неявное указание на «первоисточник» этих слов — гувернантку, *Fräulein*, за которой дети (Марина и Анастасия Цветаевы?) повторяют немецкие слова. Вся эта информация имеет лишь второстепенное значение, в то время как на первый план выступает то обстоятельство, что иноязычие прочно связано в сознании героя с детскими годами и образно отражает эти ассоциации.

3. *Реалия — факт авторской речи*. Используется в тех случаях, когда создатель произведения «временно переходит» на второй для себя, т.е. иностранный язык, как бы стремясь полнее и глубже адаптироваться к новой среде. Репрезентативным примером будет третье стихотворение цикла «Парижский альбом», написанное В.П.Бурениным в период его сотрудничества с журналом «Искра» (1863 г.):

Diable m'emporte! Гулять я вышел
От Concorde и вдоль «аркад».
Что ж? — едва ль не в каждой арке
Полицейские стоят!

Sacrebleu! До Tour Saint-Jacques я
Прошагал всю Риволи —
И клянусь вам, полисмены
Непрерывной цепью шли!

Sacristie! К Пале-Роялю
Выхожу я: тут и там

Полицейские повсюду —
Посредине, по углам!

Cent mille diables! Иду я дальше:
Rue Saint-Marc, quarter Bréda
Охраняет равномерно
Полицейская орда!

Ventre-saint-gris! Вот на бульвары
Занесла меня судьба.
Что же? — вижу полисменов
Я у каждого столба!

Текст насыщен наименованиями парижских реалий культурно-географической природы: *Concorde* (Place de la Concorde) — площадь Согласия, *Tour Saint-Jacques* — башня Сен-Жак, *Rue Saint-Marc* — улица Сен-Марк, *quarter Bréda* — квартал Бреда; причем иные даны в транслитерации (*Риволи* — Rue de Rivoli, улица), а некоторые дополнительно изменены в соответствии с правилами русского склонения (к *Пале-Роялю* — Palais Royal, архитектурный ансамбль). Но гораздо важнее следующее: каждая новая строфа начинается французскими проклятиями «Черт возьми!» (*Diable m'emporte! Sacrebleu!*), «Сто тысяч чертей!» (*Cent mille diables!*) и т.п., переданными в оригинальном, французском написании. Курсив и восклицательные знаки выделяют эти выражения из числа прочих иноязычных вставок, привлекают к ним повышенное внимание. В них отражены слова, часто слышанные автором во Франции и используемые им для придания произведению мощного местного колорита. Это возгласы парижских улиц — компонент, имеющий не меньшее (если не большее) значение для «идентификации местности», нежели приведенные топонимы. Происходит не прямое цитирование услышанного; билингвема используется как элемент авторского внутреннего монолога.

4. *Реалия как путь установления контакта автора / лирического героя с собеседником, говорящим на иностранном языке*. В качестве примера воспользуемся первым катреном сонета I из цикла «Римские сонеты» Вяч. Иванова:

Вновь, арок древних верный пилигрим,
В мой поздний час вечерним «Ave, Roma»
Приветствую, как свод родного дома,
Тебя, скитаний пристань, вечный Рим.

Как видим, собеседником героя здесь выступает не конкретный человек, не люди, но древний город, да и приветствие произносится не на современном итальянском языке, но на латыни (*Ave, Roma*), мертвом языке «вечного города». Так автор подчеркивает значение места для говорящего, который воспринимает современный Рим как средоточие древней, т.е. подлинной культуры, точку, где сходятся все дороги мира («скитаний пристань») и, под этим углом зрения, также как свой собственный «родной дом».

5. *Реалия как путь установления контакта автора/героя с собеседником, говорящим на его родном языке.* Данный подтип является наиболее редким по вполне понятной причине: переход на второй язык двух лиц, для которых общим является первый, должен иметь под собой достаточно веские основания. Одним из них может стать, например, особое значение или символизм этого второго языка для условных собеседников, его эзотеризм, «закрытость», а также его имплицитная связь с определенным набором явлений, указание на них. В этом случае второй язык используется как некий тайный код, очерчивающий круг «посвященных» и ограждающий его от проникновения «чужаков». Приведем сонет М.Волошина, созданный в Коктебеле в 1907 г.:

Я здесь расту один, как пыльная агава,
На голых берегах, среди сожженных гор.
Здесь моря вещего глаголящий простор
И одиночества змеиная отрав.

А там, на севере, крылами плещет слава,
Восходит древний бог на жертвенный костер,
Там в дар ему несут кошницы легких Ор...
Там льды Валерия, там солнца Вячеслава,

Там брызнул Константин певучих саламандр,
Там снежный хмель взрастил и розлил Александр,
Там лидийн «Осел» мечтою осиян

И лаврами увит, там нежные Хариты
Сплетают верески свирельной Маргариты...
О мудрый Вячеслав, χα ις η ! — Максимильян.

Текст носит характер личного послания, в нем имеется ряд обозначений, понятных только непосредственному адресату. Здесь аллюзивно упомянут альманах «Цветник Ор. Кошница первая», составленный поэтом Вячеславом Ивановым, названы основные участники альманаха Валерий (Брюсов), Вячеслав (Иванов), Константин (Бальмонт), Александр (Блок) и др. Билингвема заключительной строки представляет собой древнегреческое слово «Привет!», обращенное к Вяч. Иванову.

Таким образом, билингвема способна служить полноправным средством передачи всех без исключения известных разрядов инонациональных реалий от географических мест до сложных именовании культуры. При этом выделен еще один, последний тип инонациональных реалий, который мы назвали реалиями лингвистическими.

Билингвемы, именующие реалии в составе поэтического текста, употребляются в качестве безэквивалентной лексики, представляя собою цитаты из речи персонажей-иностранцев или же лирического героя, выступая как средство установления контакта между героем и персонажами или только между персонажами. Такие билингвемы полифункциональны. Они используются для создания местного колорита, мимезирования речи персонажей, достижения комического и/или сатирического эффекта и т.д. Однако важнейшей, доминирующей их функцией на фоне показанных следует считать функцию документализации поэтического повествования, в котором автор прибегает к употреблению иноязычно-

го компонента как к одному из способов предельно адекватного отражения окружающей его и описываемой им действительности. Национально-языковой компонент выступает в подобных случаях, по нашему мнению, в ряду иных идентификаторов этой действительности и требует по возможности более точного, вплоть до полной своей аутентичности оригиналу, отражения в тексте.

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С.381.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1980. С.16.
3. Фененко Н.А. Язык реалий и реалии языка. Воронеж, 2001. С.17.
4. См. об этом: Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвистическая проблематика страноведения в преподавании русского языка иностранцам. М., 1971. С.12-14 и далее; Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М., 1975. С.95; Крупнов В.Н. В творческой лаборатории переводчика. Очерки по профессиональному переводу. М., 1976. С.146-153; Он же. Курс перевода. Английский язык. Общественно-политическая лексика. М., 1979. С.27-31 и др.
5. Томахин Г.Д. // Иностранные языки в школе. 1997. № 3. С.13-18.